

СОКОЛОВ
Борис Александрович

СПб, 31.08.1990

Запись на д/ф Чуйкиной С.

Сок. : Борис Александрович Соколов, представляю движение национальной независимости Латвии и также мемориал Латвии в виду репрессивная психиатрия. В общем, отделение репрессивной психиатрии. Ну, что я могу сказать, значит...

Корр.: О своем деле сначала.

Сок. : А, о своем деле. Ну, для вас не секрет будет, то, что, во время Брежнева, чтоб сократить политическую преступность, всем инакомыслящим, то есть диссидентам, как нас называли, давали уголовные статьи. Вот, если уголовная статья, допустим мне, ну до шести месяцев гласит. Меня могли держать в закрытой психушке сколько угодно времени, без срока содержания. Значит, стоял гриф: "Совершенно социально опасен", гриф стоял, меня поместили, сфабриковали дело, как будто я пытался угнать автомобиль. И на основании этого, два раза по три с половиной года, я находился на Арсенальной 9. Это больница закрытого типа. Без суда и следствия. На суде я не был. От лечения я отказался сразу, больным себя не признавал. Но не взирая на это, из Риги, из тюрьмы меня направили без следствия и суда. Только на основании решения комиссии медицинской. Направили на излечение в Ленинград, Арсенальная 9. Ну вот, по три с половиной года, два раза я там находился, в этой больнице. Значит, это было сделано для того, чтобы сократить политическую преступность. Искусственным путем. То есть я, на положении больного, но я изолирован от общества. Вот. Статью, но поскольку я водитель в прошлом, мне вот как угон автомобиля или попытка там кражи. Инкриминировали любую статью, поскольку на суде я не мог присутствовать. Вот, и факт этот, как, не мог разбить. Ну что, репрессивная психиатрия начала создаваться, я думаю, что во время Хрущева. Но самый большой масштаб, это во время Брежнева получила. Ну, на мою долю выпало счастье познакомиться с Григоренко Петром Ивановичем, это генерал-лейтенант Григоренко, вы слышали, значит, это в институте Сербского, вот, и дальше мне познакомилось, с Жихаревым пришлось познакомится, Михаил Михайлович Жихарев, вы слышали ?

Корр.: Да.

Сок. : Вот, не знаю, с 27-го года, больной астмой, мы находились в одном боксе в Бутырке в 201-ой камере. Только что он поехал в Черняховск, в спецбольницу, я в Ленинград. Я должен сказать, что в то время, ну и сейчас, было 11 спецбольниц специального типа. Конкретно какие, я вам перечислю, значит, это: Казань, Ленинград, Черняховск, Днепропетровск, Смоленск (Сычовка под Смоленском), Ташкент, Благовещенск, Волгоград, в общем, 10 спецбольниц, это уже известно. Вот. Ну, вот, в Ленинграде допустим 1100 человек было, на день моего отъезда, в 85-ом году меня освободили. То есть выпустили как бы. Ну и не в [?], а в Ригу, и там еще полгода находился, пока меня юридически оформили, чтоб выпустить, чтоб выдать документы.

Корр.: Скажите пожалуйста, а вот что касается дела, вы что делали, и что вы хотели сделать, вот как политически...

Сок. : А, как правозащитник ?

Корр.: Да.

Сок. : В общем, я должен сказать, что я был слепым до 68-го года. Я был слепым до событий в Чехословакии. Меня подтолкнула к реальным действиям, ну слепым как, ну я был комсомольцем когда-то, служил в армии четыре года, вот, работал водителем, 19 лет водительского стажа, первоклассный водитель, работал в Рижском [?]. Ну, а когда я прошел, это был 68-ой год, чехословацкие события, когда советские танки ворвались в Прагу и установили свой режим, коммунистический. Вот, после этого стали создаваться группы протеста, ну вот такая была в Риге группа "Факел", значит в которую входило несколько человек. Один из них должен был себя в знак протеста против вторжения совет-

ских войск, как бы себя поджечь, в центре города. Это случилось у памятника свободы. Им был Илья Рипц, но мог стать и Борис Соколов и любой другой. После этого, значит, Илья Рипц был помещен, ну через КГБ конечно, тут ясно, и направили значит в психбольницу, эту, республиканскую, затем в институт Сербского. Кстати в институт Сербского он не был направлен. Приехал, был такой, Даниил Лунц, профессор, вот, и ну и естественно собеседование было и сразу ему вялотекущую шизофрению, потому что самая популярная форма диагноза, это была вялотекущая шизофрения. Вот перед вами. Вот, ну до конца своих дней, почему я так долго отсидел, может быть и меньше меня держали, я не признавал своей болезни, отрицал. Хотя меня здесь вот, в Арсенальной 9 и Стяжкин, вот господин Стяжкин, кстати он еще, начальник больницы, до сих пор ничего изменений никаких нет. Ну я не знаю, как конечно сейчас, диссидентов политических может быть нет, уголовники, но по крайне мере он работает. Врачи не должны работать, это преследовал диссидентов, они же давали клятву Гипократа, ну на самом деле это все работники МВД. В погонах, но в белом халате.

Корр.: И у вас значит была группа и вы протестовали против того что...

Сок. : Против вторжения советских войск в Чехословакию.

Корр.: А у вас вот таких идей какого-то более...

Сок. : Радикального?

Корр.: Более радикального не было? Вот это вас подвигнуло?

Сок. : Вы знаете, в то время еще не было, просто я интуитивно чувствовал...

Корр.: Ну, конечно.

Сок. : Что у нас нет демократии, до этого я был слепой. Прозрел я в 68-ом году. Хотя служил в 56-ом, я уже служил, часть наших, значит матросов бросили на подавление мятежа в Венгрии, правительство Имре Надя. Вот, ну я не попал в том числе, хотя мог. Добровольцев вызывали, почему-то интуитивно, тут просто может быть интуиция подсказала. А был свидетель, когда из Венгрии часть наших моряков на корабль не возвратилась. Ну что, репрессированных еще три, то есть там несколько форм было, лечения. Это значит стенотерапия, то есть если они видят здорового человека и врач предупреждает, что ты будешь молчать весь срок, значит, тебя лечат стенами, то есть не лечат, без нейролептиков, без лекарств, держат закрытым постоянно, 45 минут прогулки, ну час дают официально, но час никогда не гуляли, здесь, вот. Обязательно, значит, бесправие полное. Шесть часов труд, за труд не платят. Под видом трудотерапии, так называют. Значит, методы лечения репрессивной психиатрии: трудотерапия, психотерапия, модификация личности. Модификация личности, что понимать, значит, делает человека здоровым, таким каким надо сделать, любым. То есть безвольным, самое, вот я 80% зубов оставил здесь в Ленинграде, на Арсенальной. Только из-за голодовок, единственная форма протеста была, это голодовки. Единственное, против беззакония.

Корр.: А вообще много было там, да, народу, вот в каждой больнице ?

Сок. : Вы знаете, в Ленинграде было процентов 7-8 из всего контингента больных диссидентов, ну в основном диссиденты шли в Казань. Политическая Казань, Благоверье, они во всех больницах, но в основном концентрация известных таких, как вот Буковский попал бы или допустим другие, в основном в Казани были. Ну, вообще рассеяли по всем регионам.

Корр.: А вот вы можете еще назвать кого-то из тех, кто с вами шел по одному делу, из вашей группы?

Сок. : Со мной, нет. Я, в общем-то одиночка, можно сказать протестант. Нет, ну вот Илья Рипц, который себя поджег, он уже на Западе, он сумел выбраться. Вот, а остальные, вот с кем я сидел, многие не возвратились. Я выжил просто благодаря тому что, ну природа наделила здоровьем может быть. И врачи видят, что дела-то нет, состряпано, ну немножечко меня жалели. А вообще, если бы могли они меня угробить. Нейролептики очень сильные.

Корр.: А можете назвать их имена, потому что мы картотеку составляем?

Сок. : Безусловно. Ну вот такой, господин подполковник, сейчас начальник Ленинградской спецпсихушки, Стяжкин Виктор Дмитриевич. Стяжкин Виктор Дмитриевич. Вот, теперь там есть Постников, доктор. Вы знаете, дело в том, что там имена врачей строго сохраняются в тайне. Фамилии врачей.

Корр.: Нет, а я хотела имена тех, кого вы знаете, кого вместе с вами арестовали. Поэтому что мы составляем картотеку.

Сок. : Да, Постников, Постников, Постников, сейчас... Зав. 8-ым отделением, там все это скрывается в тайне, понимаете, что... Постников, начальник 10-го отделения, Сергей Сергеевич, 10-ое отделение. Он так и работает, Сергей Сергеевич, начальник 10-го отделения.

Корр.: А никого из вот тех, кто с вами был, здесь нету?

Сок. : Сейчас нету. Да дело в том, что возраст мой и уже все остались там или умерли. Потому что если пройти школу модификации личности, то тут, [модатендепо?] препараторы, самые страшные препараты. Применяются какие только могут, вот это [модатендепо?], это модификация личности, то есть самое сильное в человеке, это сила воли, но для того чтобы сломать голодящего, значит, дают нейролептик [модатендепо?], подавляется воля, ты животное, я безвольный, то есть как угодно и что угодно мне можно говорить и я буду выполнять безуказиленно. В общем, садистские методы лечения. Я был бесправный, одно письмо можно было написать в месяц, свидания если приезжали в год два раза, то через стекло в течении часа, родственников.

Корр.: А посылки передавать нельзя было?

Сок. : Посылки, значит... Корреспонденция вся подлежала перлюстрации, абсолютно вся была корреспонденция только от близких родственников. Вот. Написать я мог только определенный текст, который был изложен, вот, жив, здоров и все. Вот, в основном определенный текст. Вся корреспонденция проверялась врачами и спецчастью. В общем, эта больница была на уничтожение здоровых людей. Заведомо здоровых. Вот.

Корр.: А расскажите...

Сок. : Жунко Нелли Николаевна, она работает, это мой врач.

Корр.: А расскажите пожалуйста по подробнее вот про именно кто шел...

Сок. : Доктор [60-го?] отделения Галина Николаевна, Галина Николаевна, тоже доктор.

Корр.: Кто с вами был вот вместе, с кем вы это делали, ваши друзья, вот тоже...

Сок. : С кем я делал, вот сейчас из живых остался только я и Илья Рипц, который проживает в Америке и преподает в каком-то колледже, я знаю, что физик-математик, он заканчивал 5-ый курс Латвийского государственного университета. Ну, и естественно после такого акта протеста, он диплома не получил и связи у него там, отец и мать евреи, значит, ему дали вызов в Израиль и он уехал.

Корр.: А вот из тех кто не жив, кто же это интересно, вы не помните? Сок. : Сейчас нет никого, сейчас я не знаю...

Корр.: Но вы все равно можете про них рассказать, потому что это тоже очень интересно.

Сок. : Я просто сейчас не знаю участь их, было много людей, кто был арестован, там же целая масса людей была, которые протестовали. Но в то время были очень жесткие условия, очень. Если собралась любая толпа... Это сейчас, вот я не верю своим глазам, что такое может быть. Но здесь очень много людей не нужно, здесь много работает из КГБ, очень много людей которые не нужны здесь, но они здесь присутствуют, ну что делать, пусть они боятся нас.

Корр.: Да.

Сок. : Вот. Я представляю, значит, мемориал Рижской секции в Латвии, репрессивной психиатрии. Ну занимаюсь политической работой,участвую в движении национальной независимости и демократическом союзе. Проводим работу определенную конечно, ми-

тинги организуем, пикеты, вот. Ну вот было на дороге путь в Европу на границе, в Литве, литовско-польскую границу хотели прорвать, но в общем готовились, чтоб советские войска ушли, а литовцы контролировали эту границу. Только что оттуда приехал, 23-го там был.

Корр.: Понятно. Скажите, а вот из этой психбольницы не пытались сбежать вот такие люди как вы?

Сок. : Вы знаете, что такое бежать из психбольницы. За семь лет, проведенные в ленинградской спецпсихушке на Арсенальной 9, было две попытки побега, но такие люди как я, не было попыток. Почему? Куда бежать? Во-первых, там охрана, там очень мощная охрана, там 450 только охранников круглосуточно, 4 смены, вы представляете. Там все время палаты закрыты, отделения закрыты, корпус закрыт. Там очень усиленная охрана, там практически невозможно убежать. Но две попытки были, но это уголовные элементы. Ну, бежать практически не возможно. Надо было только сидеть и вот единственный врач сидел и молчал. Морально атмосфера была очень тяжелая, сама моральная, поскольку я не знал конкретного срока пребывания. Если в зоне, в политзоне, 30, 31-ой конкретный срок, то вы на это настраиваетесь, понимаете, на этот срок. Здесь же никакого конкретного срока нет. Здесь просто говорят что, ну посмотрим, у вас заболевание хроническое. Как комиссия, а комиссия приезжает из Москвы, института Сербского, только два раза в год, смотрит она формально. Никакого решения она не может принять, потому что решение у кого на истории болезни, так называемой, стоит гриф "социально опасен", то она не причем. Это все инструкция из КГБ должна идти, можно ли, а они походатайствовать могли, хотя заведомо видят, что человек здоров.

Корр.: Значит над вами никакого суда не было?

Сок. : Суда не было, я не присутствовал, но на суде, а вот семь лет отбарабанил в закрытых больницах. Это хуже чем в тюрьме.

Корр.: Конечно.

Сок. : А суда не было, я на суде не был. Я считаюсь не судим. Но в то время же, я через суд шел. То есть, вместо меня представлял врач, а врач написал заключение, что я был невменяем, что я допустим, собственно болезнь началась, я проник в посольство.... 64-ый год, 65-ый, 66-ой, я проник, ну как проник, я прошел в посольство на Большой Грузинской, попросил политического убежища. Там. Вот собственно с этого за мной уже начали следить, ну естественно там мне отказали, поскольку я не знал прав, что территория государства. Вот, и после этого меня встретили, узнали кто такой я, что из КГБ. Ну отпустили естественно, но уже на работе, где я работал, я посетил начальника управления, сразу вызвали меня после отпуска, что вот где я был, ну начальник меня попросил уйти. В общем, следить уже стали. Через два года работы в автобусном парке, меня вызвал начальник колонны, и говорит, где ты был тогда-то, тогда-то, в общем узнали и на работе, что я обращался в посольство ФРГ на предмет выезда. Поскольку видишь, что дальнейшей жизни мне здесь не будет, это я предвидел. Вот, до периода Горбачева.

Корр.: Скажите, а как вы освободились, почему вас освободили и что они вам сказали?

Сок. : Освободили совершенно случайно, значит, когда мы узнали, что умер Брежнев, мы конечно все прыгали, ликовали и тайно, и открыто, можно сказать, потому что мы все-таки все узники спецбольницы, вот жили надеждой.

Корр.: Это в 82-ом году было?

Сок. : Нет, я в 85-ом. В общем он, он же не сразу дошел до этого, что надо выпускать. В общем, команда поступила в 84-ом году. Выпускать всех, кто лишние люди. Я вышел в 85-ом. Целый год еще, почти девять месяцев я сидел, после того как пришла директива. Девять месяцев, пока не объявил голодовку последнюю, которая продолжалась десять дней, тогда уж мне заявили, что хорошо, мы вас отпустим. Временно. И так же, в столовщине везут как всех уголовников, но только гриф стоит "душевнобольной". Вялотекущая шизофrenia.

Корр.: Скажите, а у вас вот изменились ваши взгляды до психбольницы и там и после, вот, на... С нашей страной и все такое...

Сок. : Безусловно, кое-какие взгляды, новое мышление у меня появилось, потому что если мне говорят, что вы не советский человек, то я заявляю, да, я не советский. Я при советской власти не жил ни одного дня. Это была коммунистическая диктатура. Вот это я могу сказать, за свои убеждения. Я при советской власти не жил. Вот, коммунистическую власть надо менять, радикально, надо чтобы ни один коммунист не попал к верховной власти, ни один. Это организация преступная, которую надо судить, также как осужден фашизм, также нужно судить коммунизм. Может быть их судить и не надо, это как народ решит, но кое-кого нужно. Вот у нас в Латвии, я могу сказать, что был такой правозащитник, национальный герой сейчас уже, как допустим в Чехословакии Ян Палф[?], который себя поджег на первом советском танке, он сейчас герой. В Латвии Гунар Астр[?], национальный герой Латвии, 15 лет отсидел, вышел и был угроблен. Вот, значит, его реабилитируют сейчас, значит, должны конкретно люди отвечать, кто его судил, они есть. Это Пуго, он сейчас в Москве, он был председателем госбезопасности в Латвии. Это Пуго, это Карпинш[?], это Круминш[?], конкретные люди есть, они все живут, работают. Пуго занимает пост. А человек реабилитируется сейчас Гунар Астр[?] И вот пожалуйста, значит, я бы хотел, чтоб вот какие-то не просто слова, радикальные действия последовали затем, что не только говорить надо, называть, а надо этих виновников и лишать всех привилегий хотя бы.

Корр.: И вы считаете, что вот сейчас мы можем что-то изменить в нашей стране?

Сок. : Может быть, сейчас мы еще не можем, но если мы все будем бороться с этой, извините, заразой, то я думаю, что можем. Потому что демократические силы уже участвуют в Советах. В частности, вот в Ленинграде господин Собчак, я считаю, что он прогрессивный человек.

Корр.: Да, я тоже считаю.

Сок. : Да, ну я считаю, это свое мнение, конечно я не могу общественное мнение, но я свое за себя могу. Ну и ряд других, вот Рыбаков, вот я его знаю, и другие депутаты ваши. Другие движения. Мемориал, вы очень занимаетесь нужным делом, по-моему вас не только сталинское репрессивное, и брежневское, сейчас вот наступило брежневское, значит, надо осуждать их конкретно, люди-то живут. Может быть занимают посты. Я бы не медленно, у врачей конечно, всех, надо дипломы отобрать. Кто лечил заведомо здоровых людей. Они нарушили клятву Гипократа, получая диплом. Вы с этим согласны?

Корр.: Вполне.

Сок. : Ну вот, значит, их надо в первую очередь лишить диплома. Пусть работают как... Они сознательно нарушали и шли против совести.

Корр.: Скажите пожалуйста, вы не писали воспоминания какие-нибудь на эту тему?

Сок. : Отвечу. Пока еще не писал, но собираюсь. Поскольку материал собираю, забыто. Дело в том, что много времени прошло, забываются фамилии нужных людей и прочее, но собираюсь, обязательно. Мемуары о репрессивной психиатрии, именно о репрессивной, поскольку я думаю, что больше меня тут, нет, ну знают, вот такой Гершунин в Москве, он 15 лет отсидел, он реабилитирован, вот этой комиссией, которая приезжала по правам, помните? Вот. Жив и много, много живых людей еще есть, но собираюсь, собираюсь писать. Собираюсь. Вот вы знакомы... Что тот меч, которым нужно отрубить голову Игоря, он находится еще пока у них. Почему у них, в смысле у коммунистов, поскольку армия не определилась, я не знаю с кем она, с народом или с коммунистами, вот я могу сказать, что военно-промышленный комплекс, там находится 11 тысяч генералов, это не секрет, это было в "Аргументах и фактах". Это официальные источники и я полагаю, что одиннадцать тысяч генералов, это, вы знаете, они поддержат линию ЦК КПСС, а что это такое, значит, у них сила фактически, ну мне кажется, это мое мнение, что Россия может быть даже на грани гражданской войны.

Корр.: Да?

Сок. : Да, они просто так власть не отадут. Тем более, если армия на их стороне. Но насколько я знаю, что в армии тоже есть сейчас и прогрессивные силы. Общество "Щит", хотя бы, и другие организации. Так что в общем дело идет к тому, что армию наверно сократят. Я считаю, что армию надо сократить процентов на 60, она нам не нужна такая большая.

Корр.: Да.

Сок. : Как минимум. Ну, КГБ конечно надо распустить, создать новую организацию. Абсолютно. Много управлений в КГБ, которые совершенно не нужны. Оставить разведку под ружьем, остальные все распустить.

Корр.: Спасибо. Скажите, а вы заполняли нашу анкету политзека?

Сок. : Да, я заполнил.

Корр.: Вы заполнили?

Сок. : А нет, нет.

Корр.: А анкету политзека нет? А можно мы возьмем у вас адрес и мы вам пришлем, и вы заполните. Это можно?

Корр.: Скажите...

Сок. : Ну в общем это вкратце все вы знаете...

Корр.: А у вас есть копии каких-нибудь справок или, то есть, вообще справки?

Сок. : Да есть, есть. Я уже подвергался репрессиям после выхода- да, у меня несколько репрессий было. Уже в прошлом году 15 суток отсидел в Москве. В позапрошлом году я в КПЗ двое суток отсидел, за политические акции. Да, я активное участие принимаю, даю отчет в этом и иду на риск в этом плане, знаю что... Да, да, да в прошлом году 15 лет...